ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 8

1922 г.

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ
Музея В. И. ЛЕНИНА
№ 1647

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ○○○○○○○○○○○○ 1922

„Дом Плеханова"
№ 92-1118/1

На родине Г. В. Плеханова.

(Материалы к биографии).

I.

Получив задание собрать материалы и сведения о Г. В. Плеханове и его семье непосредственно на его родине, мы успели добиться некоторых положительных результатов только благодаря содействию партийных и советских органов Тамбова и Липецка, руководители которых питают должную ненависть к Плеханову - послереволюционному политику, но в то же время, что следует отметить, с большим уважением относятся к Плеханову, как одному из лучших и гениальнейших теоретиков марксизма и основоположнику российской социал-демократии.

Нам пришлось поневоле потревожить и нарушить покой двух десятков людей, вся жизнь и помыслы которых в прошлом. Бывший и поблекший адвокат за канцелярским столом в советском учреждении, отставной и некогда лидерствовавший меньшевик, нашедший теперь уютное пристанище в кооперативном союзе и статистическом бюро, былой дворянский воротила, пришедший ныне в тишь архива, родовитые старички и старушенции, сорок лет тому назад, после институтского и заграничного «благородного» воспитания, прочно засевшие в свои наследственные поместья и ныне волею рабоче-крестьянской революции очутившиеся вне их,—все эти «бывшие люди» обременены не только годами, но и жизненной немощью. Уныло влачат они свою жалкую безотрадную жизнь, не видя просвета вдали; только самые упорные из них развлекаются поповскими побасенками и временами утешаются оппозиционным шамканьем и беззубой хулой революции. Есть, правда, и среди этих потомков старых поколений редкие, но отрадные исключения. Таковы, например, заведующая советской районной библиотекой Клавдия Валентиновна Плеханова, двоюродный брат и зять Плеханова, а ныне советский профессор и экономист Николай Николаевич Поздняков, типичнейший земский врач в самом лучшем смысле этого слова, и советский общественник Трунов —для этих людей жизнь не опостылела. Не всегда и не совсем довольные советскими порядками, порою даже громко поругиваясь, неся тяжелые лишения, эти старики весьма добросовестно несут свою общественную работу, отдавая ей все свои знания и силы, увлекаясь ею и работая до переутомления.

Больших трудов нам стоило искать и отыскивать глухие углы городов и деревень, куда мирно укрылись от советского шума эти нужные нам современники 60—80 годов. Еще больших трудов стоило получить у них сведения и материалы о Плехановых, гораздо охотнее они засыпали нас жалобами на непонятные им порядки и явления нашей современности.

Этого ни в какой мере нельзя сказать про двух сестер и зятя Г. В., у которых мы получили значительную часть сведений и материалов.

Клавдия Валентиновна Плеханова, родная (самая младшая) сестра Г. В., прошла тяжелый жизненный путь. Девятнадцатилетней девушкой после смерти матери она вынуждена была из-за нужды два года служить конторщицей на железной дороге. Замужество ее было кратковременно и неудачно. Спесивый муж ее, бравый немецкий мещанин заводской инженер Каспер часто ее упрекал: «У меня в роду,—говорил он,—преступников нет, а у тебя есть», при этом он неизменно указывал на Г. В.; это был самый веский аргумент его всегдашней правоты. Два десятка лет сидела она на наследственных шестидесяти десятинах, была, по ее же словам, помещицей поневоле, не будучи никак в состоянии продать неудобно расположенную землю и имея от нее больше хлопот, чем выгоды. На четвертом десятке лет, она, по совету Г. В., стала продолжать учиться, была несколько лет в народном университете имени Шанявского, где хотела научиться, как она говорит, «отличать произвол от закона». И от революции пришлось ей претерпеть помещичьих судеб удары. После февральской революции она вздумала было получить с крестьян арендную плату за 1916 год, в чем они, понятно, ей отказали.—«Что же, разве революция и свобода совесть разнуздывают?»—стала она их укорять (характерно для помещичьей логики). И чуть не поплатилась за эту дерзость арестом. Когда она, защищаясь перед крестьянами, ссылалась на то, что брат ее Г. В. революционер и социалист, крестьяне, уже тогда резко настроенные против Плеханова, возражали:—«Нет, он уже не за нас, взад пошел».

Теперь Клавдия Валентиновна добросовестно несет библиотекарскую работу. Большие материальные лишения порядком ее измучили. И не взирая на это, она на наши вопросы упорно отвечала:—«Я, собственно говоря, ни в чем не нуждаюсь; зимой я, правда, страшно мерзла, но сейчас ведь уже весна и дров мне не нужно. Вот, если Николай Александрович Семашко пожелает меня подлечить в санатории, тогда может встать вопрос об обуви и платье, так как так показаться на людях нельзя. А пока мне ничего не надо». На нашу просьбу возможно полней рассказывать все, что помнит о Г. В. и родных, она не раз заявляла:—«Расскажу-то я все, только одного опасаюсь, как бы чем-нибудь из своих рассказов я не бросила тень на личность Г. В., а я ведь считаю его великим человеком».

С таким же благоговением вспоминают Г. В. и другая сестра его Варвара Валентиновна и муж ее Николай Николаевич Поздняков. Последний, ровесник и друг юности Г. В., нам поведал, что он «тоже марксист, но в экономическом смысле» (очевидно, наподобие тех катедер-марксистов 70—80 годов, которые понимали и принимали только экономическое учение Маркса). Весьма оживленно он нам рассказывал про свою профессорскую и советскую работу, жалуясь только, что старость и слабость мешают ему работать больше. Весь седой, просвечивающий и худой, он, тем не менее, сохранил еще много жизнерадостности и юного юмора. Смеясь, он передавал, как председатель Тамбовского Губисполкома Чичканов сказал как-то про него, что весьма полезный человек Поздняков, но есть, мол, у него один недостаток—родственник он Плеханова, на что ему тут же возразили: «Плеханов-то родственник Позднякову, но ему ведь племянник и народный комиссар Семашко; по ком же Позднякову счесться родными?..»

Варвара Валентиновна, прикованная тяжелым недугом туберкулеза к постели, многими чертами лица и характера весьма похожа на Г. В. Умная, твердая, выдержанная, она, тем не менее, далека от социалистических убеждений; лет десять она была в поисках новых, лучших убеждений, но затем вернулась к религии.—«Я не партиозная,—говорит она,—и не понимаю, зачем с такой ненавистью ленинцы вели борьбу с Г. В.». В начале нашей беседы она была чрезвычайно тронута нашим приходом и разоткровенничалась. Но, поняв, что мы коммунисты, она стала грустнее, по лицу даже пробежала тень горечи, и она твердо спросила: «Вы ленинцы?» Когда, получив утвердительный ответ, она услышала нашу просьбу быть откровенной и говорить не стесняясь, она так же твердо спросила: «И это будет без последствий?» «Раньше,—рассуждала она вслух,—Ленин был против Г. В., отвернулся от него, а теперь, очевидно, ленинцы снова повернули к Г. В.». Николай Николаевич не преминул тут же вставить: «Да, они снова обратились к нему, потому что говорят, что если бы жил Г. В., то был бы с ними».

Варвару Валентиновну, как и Клавдию Валентиновну, мы нехотя растревожили: милые старушки провели бессонную ночь, будя в памяти дорогие им воспоминания. И они с готовностью дали нам в долгих задушевных беседах весьма интересные сведения и материалы, за что не можем не выразить им здесь большую благодарность. Эти данные полнее освещают детство и юность Г. В., чем это до сих пор было сделано (да не будет это сказано в обиду Л. Г. Дейчу).

Сообщаемые ниже сведения преимущественно биографического характера и, как понятно из сказанного выше, отнюдь не являются документально подтвержденными данными, а основаны на воспоминаниях.

II.

Георгий Валентинович родился 26 ноября [1]) (8 декабря) 1856 года в семье мелкопоместного помещика. Про родное село его имеется следующая запись в материалах доктора Трунова, заведующего Липецким музеем и Обществом по изучению местного края: «Сельцо Гудаловка (Малая Семеновка, Плеханово) при речке Семеновке в 18 в. от Липецка. При этом сельце была усадьба родителей Г. В. Плеханова. В настоящее время от усадьбы остался только парк и сад. По распоряжению лесного отдела, парк признан подлежащим охране, как памятник природы».

Валентин Петрович, отец Георгия, происходил из небогатых помещиков Тамбовской губернии. Хозяйство его было не велико: около 200 десятин, при чем 100 десятин принадлежали первой жене его Вере Ивановне (Поздняковой) и после смерти ее перешли к детям. Валентин Петрович, проявляя большие хозяйственные способности, так умело вел свое небольшое хозяйство, что не знал долгов, и многодетная семья его жила не хуже всех окрестных, более богатых помещиков. Он поставил хозяйство образцово, сам руководя им, держал лучшую породистую скотину, разводил самые высокие культуры, провел водосточные канавы, по которым влагу с лугов отводил в речку. Благодаря последнему он, вместо жесткой осоки, получал хорошую траву и всегда наполнял речку водой, которая без этого летом высыхала.

К крестьянам он был придирчив и весьма строг, не зная пощады к ним, когда они не выполняли его требований на работе. Крестьяне хорошо знали суровый нрав своего свирепого и раздражительного барина, которого они боялись и ненавидели, хотя несколько и уважали. Иногда даже они ухитрялись избегать ударов и подзатыльников, которыми их нередко угощал деспотичный В. П. Так, передавали, что крестьянин, приходя к нему по делам, дверей не закрывал и все время беседы держался «за скобку». Как только, бывало, В. П. вспылит, крестьянин сейчас же выскакивал за дверь, чем спасался от «отеческого внушения» грубого барина. При всем этом В. П. вел так свое хозяйство, что крестьяне его жили лучше и более зажиточно, чем крестьяне всей окрестности. При своей деспотичности, он не был лишен и некоторой своеобразной доброты, иногда свойственной крепостникам. Когда он нанимал новых работников, он их и их семьи кормил у себя дома до отвала и потом обходил их, спрашивая, сыты ли. Когда в 1871 году старуха няня заболела у него в доме свирепствовавшей тогда холерой и все, испугавшись, отвернулись от нее, он бережно ухаживал за ней до ее выздоровления.

Будучи деятельным и энергичным хозяином, В. П. вместе с тем был редкостным весельчаком, живым и общительным собеседником в среде друзей,

[1]) Сестры Г. В. указывают, что на могиле его ошибочно указан день рождения 25-го ноября.

чем всех располагал к себе. Когда-то он в рядах армии участвовал в усмирении польского восстания в 1863 году, после чего вышел в отставку в чине штабс-капитана и, как все участники этого похода, с Георгиевским крестом; он, благодаря своему веселому нраву, завоевал себе большое расположение со стороны поляков, о чем рассказывал впоследствии. Раз он отправлялся с родственницей Александрой Михайловной Поздняковой в Тамбов к нотариусу устроить земельные дела сыну ее Николаю Николаевичу. В Козлове по пути они остановились в гостинице, в которой как раз в это время купец справлял свадьбу. Проходя мимо комнаты, в которой сидели гости, В. П. увидел через приоткрытую дверь, что лакей обносит гостей, а те, стесняясь, не берут. Не сдержавшись, он вскочил в комнату, выхватил из рук лакея поднос со словами: «Ну, братец, ты не так подаешь...» И сам с прибаутками и шутками стал разносить угощения. Он так развлек и развеселил гостей, что его никак не отпускали до конца свадьбы, заставив его и его спутницу, несмотря на то, что она была в шубе и в валенках, плясать до утра. Жизнерадостность и веселость В. П. часто привлекала к нему соседей. Рассказывают, что какой-то соседний помещик Баранов, будучи уже стариком и готовясь к смерти, решил на прощанье поехать к В. П. вместе повеселиться. И много народу собралось посмотреть необычное развлечение, когда они оба долго и весело плясали и пели в галлерее Липецкого парка.

Вместе с тем В. П. был тверд, непоколебим, независим, горд, нередко даже заносчив по отношению к начальству. Он всегда открыто высказывал свое мнение, ни перед кем и ни перед чем не останавливаясь. Когда считал нужным, он обращался прямо к министру с письмом, предлагая какую-либо меру. Своей резкой прямотой он доставлял не мало хлопот предводителям дворянства, которые не раз приезжали его урезонивать. На одном званом обеде в Тамбове, на котором присутствовал принц Ольденбургский со свитой, он, явившись с опозданием и не найдя себе места за столом, громко стал выражать свое недовольство и, вспылив, резко обратился к одному из свиты принца, предложив ему уступить себе место. В. П. этим вызвал всеобщее замешательство, после которого несколько дворян сразу уступили ему свои места за столом. Дома после этого видели, как В. П. стал учиться стрельбе в цель, так как предполагал, что оскорбленный вызовет его на дуэль. Но и на сей раз, как и всегда, дворяне сочли за лучшее ответить молчанием на его резкость и неукротимость. Своей хозяйственностью, твердостью и независимостью он снискал себе уважение среди окрестных помещиков и служилого дворянства, на которых оказывал большое влияние.

Мать Г. В. Мария Федоровна родилась в Задонске, Воронежской губ., в семье Белынского, чиновника из обедневших дворян. Трех лет она лишилась матери. После вторичной женитьбы отца ей пришлось терпеть притеснения

и переносить грубости от мачехи, которая раз даже ее выпорола. Заехавшая однажды к Белинскому в гости родственница его, богатая помещица Евпраксия Гавриловна Говорухина, приласкала крестную дочь свою, маленькую Марию. Та вцепилась в платье тети с мольбой: «возьми меня». Говорухина, не имевшая детей, взяла девочку к себе и усыновила. С тех пор Мария жила в имении Тилелюй, Усманского уезда. Когда у Говорухиной родилась дочь, Марию отдали учиться в Тамбовский Александровский институт, куда она была принята на казенный счет. В институте она обнаружила большие способности, учась все время первой ученицей. Больше всего она интересовалась историей и прочла всю литературу по истории, имевшуюся в институте. Учителя удивлялись ее способностям. На выпускном экзамене они громко выражали сожаление, что она не мужчина и что ее нельзя поэтому послать на казенный счет за границу продолжать учение. Окончила она институт с шифром, который выдавался только тем, кто был первой ученицей во всех классах. Мария Федоровна так сроднилась с институтом за время долголетнего пребывания в нем, что не захотела расстаться с ним. Назначенная пепиньеркой (помнаставницей) она пробыла на этой работе около полугода. Затосковав по свободной жизни, она оставила институт и поселилась у своей приемной матери в имении. Как раз в это время Мария Федоровна познакомилась со своим родным старшим братом Иваном Федоровичем Белинским. Это был очень способный и в обывательском смысле благородный человек. Он был выбран становым приставом в одном селе, населенном сектантами. Своей справедливостью и внимательным отношением к населению он вызывал к себе уважение и надолго оставил о себе во всем уезде хорошую память. Не удовлетворяя, вероятно, полицейской работой своих внутренних запросов, он пил запоем и погиб от алкоголя. Мария Федоровна очень любила брата своего и утверждала, что Г. В. на него во многом похож. С ним одно время, по словам Марии Федоровны, завязал переписку известный критик Виссарион Григорьевич Белинский (фамилия которого была тоже Белынский). Узнав, что в Воронежской губ. имеются Белынские, он розыскал Ивана Федоровича и с ним списался. Они оба выяснили, что предки их происходят из польских шляхтичей, и установили таким образом свое родство.

Был у Марии Федоровны и другой брат по отцу (не родной)—Александр Федорович Белынский. Он был правителем канцелярии Тамбовского губернатора. Весьма способный, он фактически управлял и губернией и губернатором. Был он вместе с тем человек свободомыслящий и мягкий. В 1879 году он помог в Тамбове укрываться революционеру Чубарову и не давал ему уезжать. И когда последнего по приезде в Киев схватили и повесили, он с досадой говорил: «сказал ему, не уезжай, не уехал бы, не погиб бы напрасно». Когда Александр Федорович служил одно время исправником в Елатомском уезде, в последнем «смута пошла». Стали говорить, что он «сыцилист» ввиду того,

что взяток не берет; все изумлялись этой «белой вороне», как его называли. Он выследил и разоблачил какого-то помещика, бывшего мировым судьей и в то же время содержавшего шинок и спаивавшего народ. За это необычному исправнику пришлось пострадать и лишиться должности.

Мария Федоровна тяготилась праздной, обеспеченной жизнью в помещичьем доме и отпросилась у Говорухиной в Задонск, где поступила гувернанткой к дворянам Кузьминым, у которых прослужила четыре года. Оттуда она переехала в Липецк, где в течение двух лет была гувернанткой в доме уездного предводителя дворянства Кожина. Здесь она подружилась с Кожиной, которая до замужества была тоже гувернанткой. Мария Федоровна, которая вообще любила детей, весьма умело с ними обращалась и оказывала на них большое и благотворное влияние, сильно привязалась к своему воспитаннику Георгию, почему и назвала своего первого сына Георгием.

С Валентином Петровичем Плехановым Мария Федоровна познакомилась у Кожиных, которых он, как хороший знакомый, часто навещал. Несмотря на свои 45 лет, В. П. горячо полюбил 22-летнюю М. Ф. и сделал ей предложение. Получив отказ, он просил ее никому об этом не говорить. Но она рассказала близкой ей Кожиной. От последней узнал Кожин и посмеялся над В. П. Этот явился к М. Ф. с упреком:—«Как же вы вашего слова не сдержали?» М. Ф. решилась, по словам ее дочери, на довольно таки странное искупление своей вины.—«Виновна,—ответила она,—но искупаю свою вину. Согласна. Выхожу за вас замуж». В доме мужа, куда она переехала сейчас же после замужества в 1855 году, она встретила семь детей от первой жены его и заменила им родную мать, принявшись за любимое дело обучения их Нежная и кроткая, сосредоточенная и глубокая, уравновешенная и серьезная, М. Ф. была прямой противоположностью своему мужу. Немало страдала она от его грубости и резкости. Когда он начинал ругать дворовых, она всегда заступалась, чем гнев его переводила на себя и освобождала дворовых от наказания. Несмотря на мягкость, она своей выдержкой умела подчинять своему влиянию и неукротимого мужа своего. Последний в таких случаях просил ее удерживать его, когда он на людях вспылит, толкнув его для этого ногой. Но, когда она это делала, он, забываясь, громко при всех говорил ей: «Чего ты толкаешься?», чем не мало ее смущал. У нее была необычайная деликатность, за что она пользовалась всеобщей любовью. Рассказывают, например, такой необычайный в те времена крепостничества случай. Проводив раз гостей, она вернулась в комнату и увидела, что прислуга у стола из сахарницы высыпает себе сахар. Тут же она вышла из комнаты, чтобы не смутить прислуги.

Когда Мария Федоровна закончила обучать пасынков и падчериц, подросли уже ее родные дети, и она принялась обучать их. Так прожила она 16 лет безвыездно в Гудаловке, чем не мало тяготилась.

92-1118/х
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

III.

Георгий Валентинович еще мальчиком обнаруживал уже недюжинные способности и очень рано научился читать. Пятилетним еще малышом очень любил слушать, когда мать читала ему рассказы из священного писания. И изумлял всех, рассказывая потом буквально все слышанное им, точно, с мельчайшими подробностями. Он рос и развивался быстро, окруженный все время большим количеством детей. У отца его от первой жены было четыре сына—Александр, Николай, Митрофан и Григорий, которые все вышли в офицеры, и три дочери—Мария, София и Любовь. (Мария Валентиновна—это мать старого члена нашей партии и наркомздрава Н. А. Семашко. Софию Валентиновну, впоследствии светскую даму Вячеславову, Г. В. считал красивой, умной и блестящей и много раз о ней вспоминал.) Хотя Георгий был моложе своих братьев, но жил с ними дружно, как с родными, с некоторыми даже так сблизился, что сохранил о них светлую память на всю жизнь, часто вспоминая и благодаря за влияние, оказанное на него. Хорошо подготовленный матерью своей, 10-летний Жорж осенью 1866 года успешно сдает экзамен и поступает в Воронежскую военную гимназию. При поступлении ему пришлось пройти обычное в те дворянские «рыцарские» времена испытание. Предупрежденный старшим братом своим Николаем, давно уже учившимся в той же гимназии, что он должен, по обычаю, подвернуться избиению со стороны старых учеников, маленький Георгий так стойко отражал удары, не жалуясь и не плача, что вызвал твердостью своей уважение к себе и даже разжалобил одного из нападавших, который сам заплакал. В школе Георгия окружали лучшие в то время преподаватели. При реакционном министерстве народного просвещения Толстом самые передовые преподаватели вынуждены были бежать из гражданских учебных заведений. Их всех и подобрал, по словам Н. Н. Позднякова, тогдашний военный министр Милютин в кадетские корпуса, переименованные при нем в военные гимназии. Учителя оказали на Георгия весьма благотворное влияние, приохотив его к чтению и учению, сразу заметив его выдающиеся способности и помогая им развиваться. Впоследствии Г. В. много раз с радостью вспоминал свои школьные годы. Сначала в школе у него были столкновения с резким наставником, но тот вскоре узнал своенравного мальчика и стал мягче с ним обращаться, о чем потом рассказывал матери его. Мария Федоровна, приехав раз к сыну в Воронеж, спросила у квартирной хозяйки Георгия, готовит ли он уроки.—«Нет,—ответила та,—уроков не учит, только всегда читает другие книги». Обеспокоенная мать обратилась в гимназию к наставнику с вопросом: «Что с моим сыном, почему он уроков не учит?» Наставник возразил:—«Ваш сын великолепно учится и делает блестящие успехи. Он у нас первый ученик, и мы им весьма довольны.

Мы теперь поняли его; с ним надо только добром обращаться». Маленький Жорж много и усердно читал. Приезжая на каникулы домой, он долгие часы проводил за книгой, чем вызывал даже недовольство матери.

С самого детства Георгий обнаружил изумительное упорство, твердость и смелость, которые и сохранил на всю жизнь. Десятилетним мальчиком он спас раз маленькую трехлетнюю сестру от набросившегося на нее большого дворового пса. Однажды он зашел в комнату, в которой сидели мать и гости, и молча сел в угол. Мать заметила, что Жарж отчего-то очень бледен. Когда она предложила ему принести стул, он ответил, что не может, так как вывихнул себе руку, что мать только тогда и обнаружила. Еще совсем маленьким ребенком он попросил однажды за столом у отца горчицы, которую тот взял к мясу. Отец дал ему ложку горчицы, которую он молча с'ел, несмотря на то, что лицо у него стало красным и из глаз потекли слезы. Когда отец спросил, вкусно ли, он ответил утвердительно и попросил еще ложку, которую мать уже не дала ему. Приучая Георгия, как и других детей, к труду и уча не терять впустую и часу, отец старался развить в нем твердость, смелость и всегда радовался, когда сын проявлял эти качества. Георгий отправился как-то раз кататься на тройке молодых породистых коней, каких страстный любитель лошадей В. П. всегда держал, и сам по обыкновению управлял ими. Вдруг невыезженные лошади встрепенулись и понесли. Георгий не растерялся и продолжал твердо держать вожжи и править лошадьми. Но лошади вскоре споткнулись, экипаж перевернулся и Георгий, упав, слегка ушибся. Когда мать по возвращении его домой была этим огорчена, отец, наоборот, выражал свою большую удовлетворенность происшедшим: «да ты смотри,—говорил он,—какой Жорж молодец; ведь он, пострел, вожжей-то не выпустил».

В то же время Жорж сызмала проявлял большую мягкость и альтруизм. Мать передавала, что малышем еще он умел быть необычайно нежным; когда, бывало, провинится, на коленях ласково просит прощения. Увидав раз, находясь у няни на руках, кота с больной ногой, он стал требовать, чтобы она спустила его на пол и взяла на руки кота. Когда он ездил вместе с сестрами кататься, то при под'емах на гору всегда слезал с козел, на которых обычно сидел вместо кучера, всех высаживал, повелительно говоря «вылазь», заставляя подниматься пешком. Георгия за его мягкость и выдержку любили все окружающие, особенно прислуги. Он был очень дружен со своими старшим братьями по отцу. В их светских развлечениях он не участвовал, но часто бывал с ними и водил их на село играть с крестьянскими ребятишками. Вспоминая о них потом, он всегда сожалел, что военщина задушила имевшиеся у них большие способности. Больше всех он благодарен был брату Николаю, у которого учился твердости и самообладанию.

С большой любовью Жорж относился также и к родному младшему брату своему Федору. Играя с ним, он иногда, правда, не удерживал своего задорного права. И когда Федор, услышав брань рассердившегося Жоржа, заткнет, бывало, уши, последний, вспылив, набрасывался на него и лез в драку. Но всегда же и первым шел он мириться, стараясь при этом шуткой задобрить Федора: «Ну, мне ведь больнее было,—говорил он в таких случаях,—ты мне волосы зацепил...» Еще мальчиком Георгий мог проявлять свою твердость. Как взглянет, бывало, на маленьких сестер, когда те играть ему мешали, те так перепугаются его пронзительного взгляда, что у них и охота к игре пропадет.

Георгий вообще был спокойным, не был драчуном, но если сорвется, то уж не даст спуску, по поговорке «еду, еду не свищу, как наеду, не спущу». Любимый всеми, Георгий мальчиком, как и всю жизнь, держался как-то особняком. Близких друзей у него не было, только впоследствии, по словам родных, он очень подружился с Верой Ивановной Засулич, которую весьма уважал и любил, и отчасти с Л. Г. Дейчем.

Маленький Георгий смог себя поставить независимым и по отношению к суровому отцу своему. Последний в семье никогда не веселился и не шутил, к детям был строг, так что они даже прятались, чтобы не попадаться ему на глаза. Но уже с раннего детства Жоржа все кругом замечали, что к нему отец относится с уважением, не делает таких окриков, как другим, и всячески поощряет замеченные в мальчике трудолюбие и упорство. Георгий завоевал себе большое влияние и на своих товарищей по гимназии. В последних классах он любил устраивать диспуты по религиозным вопросам, на которые привлекал очень много слушателей. Религия была первой областью, в которой Георгий выработал свое революционное мировоззрение. Ребенком он был сначала очень религиозным, но потом, еще при отце, перестал молиться, затем стал неверующим, посмеиваясь иногда даже над своим маленьким братом Федором, когда тот молился. За свою самостоятельность Георгий был любим учителями и товарищами. Он учился и окончил военную гимназию первым учеником и был занесен на золотую доску, откуда в 1881 году, когда Г. В. был об'явлен «преступником», благонамеренное начальство не замедлило его стереть.

IV.

По окончании военной гимназии Георгий тогда же, осенью 1873 года, поступил в Петербургское Константиновское военное училище, в котором пробыл около полугода. Отсюда он писал матери, что преподаватели говорят ему, что при его способностях ему надо учиться в университете, и сам прибавлял, что считает это правильным. В начале 1874 года Г. В. оставляет военное училище, добивается разрешения на освобождение от полагавшейся ему военной службы и осенью того же года поступает в горный институт. Готовясь сам к вступительным экзаменам, Георгий провел все лето у родных в Гудаловке.

Семья его в 1871 году переехала на жительство в Липецк, где отец его приобрел дом и стал работать в земстве. Вероятно, живому и деятельному Валентину Петровичу тяжело стало вести хозяйство при условии ослабленного и падавшегося после освобождения крестьян мелкого землевладения. И его потянуло в город, где начиналась и развертывалась тогда новая жизнь. В 1873 году после смерти мужа Мария Федоровна решила переехать с семьей обратно в Гудаловку, где их и застал приехавший из Петербурга Георгий. Мария Федоровна, не склонная к ведению хозяйства, решила сдать землю в аренду, оставив себе только 17 десятин для хлебов. Она согласилась, было, уже сдать землю соседним богатым молоканам, против чего резко выступил Георгий.—«Мне легче будет сжечь всю нашу усадьбу,—говорил он сердясь,—чем видеть, что земля в руках чужих, а не наших крестьян».

Марии Федоровне пришлось вернуть задаток и сдать землю гудаловским крестьянам. Слывшая среди крестьян всеобщей заступницей и пользуясь их уважением, она ни в чем им не отказывала. После смерти мужа она разрешила им выкопать арендованный ими новый сад, землю запахать и деревья забрать себе. Ей с семьей, однако, не пришлось остаться в Гудаловке. Раз рано утром весь дом разбудил печник Капитон, чистивший дня за два до этого трубы, с криком, что пожар. Мария Федоровна и дети видели, как медленно сгорал их дом. Спасать его было некому. Бывший здесь же Георгий хотел лезть на крышу, но мать не пустила его, так как он был тогда болен жабой. Позже оказалось, что усадьбу поджег тот же самый служивший у Плехановых Капитон, выполнявший, очевидно, общую волю крестьян, которым выгоднее было выжить из села семью помещика. Капитон кидался в ноги Марии Федоровне, прося прощения, но этого и не надо было. На вопрос приезжавшего следователя она спокойно заявляла: «Я никого не виню и не подозреваю». И когда Капитон, заболев, слег в больницу, она часто его навещала и за ним ухаживала. Переехав из Гудаловки в Липецк, Мария Федоровна стала снова заниматься уроками, которые давала еще при жизни мужа, главным образом, по языкам и музыке.

В горном институте Г. В. весьма усердно изучал свои специальные предметы, и кроме того, много занимался естественными и гуманитарными науками. Здесь же он познакомился с будущим писателем Всеволодом Гаршиным, с которым учился вместе и жил одно время в одной комнате. Сначала Г. В. в Петербурге поселился вместе со своим старшим братом, Митрофаном, который учился в военной академии. Митрофан вздумал, было, сделать брата светским человеком и патриотом, но тщетно. Раз они как-то вместе ездили на извозчике и встретили Александра II. Митрофан стал уговаривать Геор-

гия поклониться царю, но тот, отказываясь, ответил: «С какой стати?! я с ним незнаком!..» Несмотря на разницу воззрений и наклонностей, Г. В. был другом с Митрофаном и помогал ему готовиться к выпускным экзаменам.

К этому времени у Г. В. стали уже складываться революционные убеждения: его любимыми писателями были Белинский, Чернышевский, из поэтов он больше всех любил Некрасова. Во время пребывания в горном институте он познакомился также с революционной литературой 70-х годов, стал сближаться с «бунтарями»—народниками, петербургскими рабочими и сам стал вовлекаться в революционное движение. Из Петербурга Г. В. последний раз приезжал гостить домой в Гудаловку летом 1876 года вместе с товарищем студентом-медиком Кронидом Павловичем Солярским и двоюродной сестрой последнего Марией Александровной Смирновой (Тарачковой), ставшей женой Г. В. Живя вместе с семьей в небольшой квартирке, отстроенной после пожара из кладовой во флигеле, Г. В. всячески старался развлечь родных, сам участвовал в полевых работах, вел беседы с крестьянами. Зло подсмеивался над сестрами, когда те в это время рядились под влиянием старших братьев в щеголих. Иногда мать в беседе упрашивала его не примыкать к революционному движению. Тогда Г. В. ей обычно возражал:—«Но ты же понимаешь, что я стою за справедливость и правду».—«Это верно,—соглашалась мать,—но ты можешь погибнуть».—«А что будет, если все так будут рассуждать?»—отвечал он ей. Уехал Г. В. в Петербург осенью за несколько месяцев до Казанской демонстрации, в которой он впервые выдвинулся, как активный революционер. Варвара Валентиновна передает, со слов товарища Г. В., студента военно-медицинской академии, Александра Васильевича Шора, что на Казанской демонстрации 6 декабря 1876 года должен был выступить не Г. В., а другой товарищ. Но когда демонстранты собрались у Казанского собора намеченного оратора не оказалось, и Плеханов произнес речь экспромтом. Тот же медик рассказывал, что Г. В. в это время, когда в народнической среде шел ожесточенный спор, можно и следует ли революционеру учиться, доказывал, что ученье всякому революционеру надо обязательно закончить для пользы революционной же работы. Г. В., как известно, продолжать ученье в горном институте после казанской демонстрации не пришлось. Скрываясь от преследования и розысков полиции, он вынужден был перейти на нелегальное положение.

Как только появились в газетах сведения о Казанской демонстрации, Мария Федоровна сейчас же чутьем отгадала, что речь произносил Г. В.—«Это мой сын»,—тревожно говорила она, и с нею произошла большая перемена, даже в лице она изменилась. Беспокойство ее еще более усилилось, когда вернувшаяся тогда по окончании Петербурского института благородных девиц имени принца Ольденбургского старшая дочь ее Александра сообщила, что не нашла Георгия на квартире. Тотчас была отправлена в Петербург жившая

у Марии Федоровны некая Анна Александровна Богачкова, вернувшаяся с ответом квартирной хозяйки, что Г. В. уже несколько недель не являлся домой.

Для Марии Федоровны начались тяжелые дни. Опечаленная, она страшно боялась, как бы полиция не схватила и не арестовала любимого сына ее. Она считала его редким и исключительным человеком, чуть ли не полубогом; находила даже в лице его черты сходства с образом Спасителя. Г. В. посылать письма по почте не мог и потому присылал их только оказией и редко. Придет кто-нибудь вдруг и принесет письмо от него. Мать с трепетом читала и прятала эти письма, боясь прихода полиции. Последняя, узнав про «неуловимого» Плеханова, стала тревожить семью его. В 1878 году, Мария Федоровна вместе с семьей переселилась в Тамбов, ввиду поступления ее любимицы младшей дочери Клавдии в Александринский институт, в котором и она училась, и вторая дочь Варвара. Здесь Мария Федоровна жила в нужде, располагая небольшими средствами и продолжая давать уроки. Ее положение еще ухудшилось тем, что сильно стали ее допекать полиция и жандармы. Знаменитое III отделение, связывавшее уже тогда все революционные события с именем Плеханова и никак не могшее напасть на след его, предписывало в Тамбов зорко следить за родными его. И к матери его часто являлись полицейские, спрашивавшие про Г. В., требовавшие его писем и приносившие карточки для опознания его; под окнами квартиры ее нередко дежурили «гороховые пальто». Квартирные хозяйки поэтому часто говорили Марии Федоровне: «Боязно вас держать на квартире», и ей приходилось часто менять квартиры. Она осунулась, переживая большие неприятности и страшно тоскуя по сыну.

В 1879 году, не получая долго писем от Г. В., Мария Федоровна поехала повидаться с ним в Петербург. С ней вместе ехал и второй сын ее Федор, с которым она всю жизнь была неразлучной. Федор с детства болел глазами. Мать долго лечила его, сидела с ним вместе в темной комнате, когда врачи запретили ему в детстве быть на свету. Его пришлось ей дольше других обучать, так как в школу его не принимали, читать сам он больными глазами не мог и учился только повторяя со слов матери.

В Петербурге Мария Федоровна жила у знакомой М. А. Смирновой, которая тогда уже не была женой Г. В. И здесь Марии Федоровне пришлось пережить много тревог. Однажды под утро, когда все еще спали, в квартире раздался звонок. Проснувшаяся Смирнова подняла шум и всех разбудила. Началось сожжение литературы и бумаг, так как думали, что нагрянула полиция. Мария Федоровна была вне себя от ужаса при мысли, что сейчас арестуют ее обоих сыновей. С нею случилась даже истерика, чего никогда в жизни с ней не было. Когда отперли дверь, то оказалось, что звонила пришедшая на работу прачка. Большое беспокойство Мария Федоровна перенесла еще

раз, когда Г. В. ушел однажды гулять вместе с Федором и долго не возвращался.

Г. В. упрашивал мать оставить Федора в Петербурге, но она не согласилась. Уезжала она удрученная и больная. В поезде ее мучили галлюцинации. Домой она вернулась растревоженная и осунувшаяся до неузнаваемости. Здесь ее стала усиленно мучить полиция, которая после Липецкого и Воронежского с'ездов «Земли и Воли» стала настойчиво разыскивать Г. В. Передают, что жандармы, проезжая тогда мимо Гудаловки, указывали ямщику на имение Плеханова, говоря: «Вот оно—гнездо преступников». Иногда Мария Федоровна искала содействия у брата своего Александра Федоровича Белинского, служившего у губернатора, и тогда полицейские преследования на время ослабевали. Она так была больна, что на похоронах Федора, умершего в 1880 году 19 лет от роду от воспаления сердечного мешка, у нее пошла кровь горлом. Окончательно ее доканали мученья, перенесенные ею после 1-го марта 1881 года. Пока газеты не опубликовали, что убийцей Александра II был Рысаков, она, по сообщавшимся приметам, решила, что это ее сын, и что его ждет верная казнь.

Пострадала тогда из-за брата и сестра его Клавдия. Когда весной 1881 года она отправлялась домой на каникулы из института, ей предложили больше туда не возвращаться.

Перед смертью своей, которая последовала 4 декабря 1881 года, когда ей было 49 лет, Мария Федоровна составила «духовное завещание», в котором писала: «...благоприобретенное мною имение мое... я предоставляю в полную собственность и в вечное владение трем дочерям моим... каждой по ровной части, но с тем, что... если возвратится из неизвестной отлучки сын мой Георгий Валентинович Плеханов и будет прощен правительством, то дочери мои... должны будут выплатить ему—Георгию Плеханову—четвертую часть стоимости всего полученного ими недвижимого имения моего».

V.

В конце 1879 года Г. В., а вслед за ним и жена его Розалия Марковна (Боград) уехали из Петербурга за границу. Ему, как «нелегальному», пришлось до от'езда вести все время бродячий образ жизни. Но особенно тяжело ему стало, когда полиция усилила поиски его после того, как он не явился на воинский призыв. Согласно настояниям товарищей, решивших накануне готовящегося покушения на царя выслать за границу наиболее разыскиваемых «нелегальных», Г. В. вынужден был уехать из России.

При от'езде на вокзале в него стал пристально всматриваться жандарм. Г. В., предвидя надвигающуюся грозу, сохранил полное самообладание и, подойдя к жандарму, сказал ему: «Ну ка снеси мне чемодан в вагон». Военная выправка и твердость безапелляционного тона Г. В. возымели свое действие, и опешенный жандарм, подхватив чемодан, отнес его в вагон.—«Ну, и что же, ты ему, наверное, дал рубля три», спросила Г. В. Клавдия Валентиновна, который он это впоследствии рассказывал.—«Нисколько, был ответ, дал двугривенный, как любому носильщику».

Старшая дочь Марии Федоровны непосредственная, искренняя, способная Александра, бывшая по окончании института гувернанткой в купеческих домах, сильно затосковала по Г. В. Живя одновременно с ним в Петербурге, она, наверное, к нему привязалась. И в 1882 году она уехала на средства, вырученные от продажи дома, за границу к брату, чтобы ему помочь работать и увидеть настоящих людей». Там она вышла за муж за эмигранта—серба Савву Захаровича Якича. Тоскуя по родине, она возвращается в 1883 году, привезя сестрам своим нелегальной литературы. Поселилась в Киеве, где муж ее стал заниматься в университете. Полиция, следившая за каждым шагом родных Плеханова, вскоре узнала, что она была у Г. В., и ее снова выслали за границу. Здесь экспансивную Александру Валентиновну стала заедать тоска по родине, и она пишет сестрам в 1885 году: «Делаю последнюю попытку. Подаю прошение на высочайшее имя с просьбой разрешить вернуться. Если откажут, не снесу». Прошение ее, вероятно, было резкое, и она получила отказ. И вслед за этим бесследно исчезла, утопившись, по предположению родных, в глубоком Женевском озере. Она была в семье Плехановых, по мнению сестер, единственной, которая могла пойти по стопам Г. В. А он много раз сожалел о том, что братья и сестры его не пошли по тому же пути, что и он.

Так, он писал Варваре Валентиновне в 1894 году:—«Внешне я несчастлив, но внутренне я очень счастлив, хотя мне и приходится много бороться. Жалею только, что никто больше из нашей семьи не так счастлив, как я».

Клавдии Валентиновне в письме от 4-го февраля 1910 года он задушевно писал по тому же поводу [1]):

«Твое письмо (последнее) произвело на меня очень тяжелое впечатление. Оно мне показало и напомнило, что все вы, т.-е. и Варя, и ты и без вести пропавшая Саша,—были очень несчастны. Отчего это так вышло? Обо мне ты напрасно говоришь, что я много страдал. Мне пришлось и приходится много бороться. Но несчастливым я себя никогда не чувствовал. И мне досадно, что ваша жизнь сложилась иначе. Если бы вы пошли по моей дороге, то вы были бы несравненно счастливее».

Сестры, об'ясняя причину этого, говорят:

— Казенные заведения нас раз'единили, мы не видели друг друга долгие годы. Александра, пробыв в институте девять лет, только раз за это

[1]) Оригинал этого, и цитируемых ниже писем Г. В. Плеханова, как и завещание его матери, находятся в институте К. Маркса и Ф. Энгельса при Социалистической Академии у тов. Д. Б. Рязанова.

время приезжала домой и забыла даже лицо матери. Каждый из нас рос особняком и жил своими интересами.

Вскоре после смерти матери Клавдия Валентиновна завязала переписку с бывшим уже за границей Г. В., чувствуя себя в долгу перед ним, так как мать завещала выплатить ему часть стоимости имения. И в письмах она настаивала перед ним, чтобы он указал адрес куда прислать деньги. И Г. В. временами просил ее «ухитриться» выслать ему денег, чтобы он мог «стать на ноги», думая под этим организацию революционной работы. Но позже, в беседах с сестрой, Г. В. выражал недовольство, когда видел, что она считает его участником наследства. Потеряв всякую связь с братом, Клавдия Валентиновна долго искала в газетах его местопребывание. Прочтет, что он в Риме, и пишет ему туда, но тщетно. Долго она его разыскивала, пока с ним в 1909 году снова завязала переписку. На просьбу дать ей свои указания Г. В. в письме от 18 декабря 1909 года пишет:

«Ты спрашиваешь у меня совета на счет твоего собственного устройства. Откровенно тебе скажу, что мне трудно дать такой совет. Ведь я знал тебя маленькой девочкой, а ты теперь давно уже взрослая дама. Посоветовать тебе что-нибудь—это все равно, что сшить платье на человека, с которого нельзя снять мерку и который, к тому же, неизвестен тебе ни со стороны роста, ни со стороны дородства. Я был бы рад увидеться с тобой. Когда я тебя узнаю, я, разумеется, не останусь равнодушным к твоим планам»... «Что касается хозяйственных вопросов,—пишет он дальше,—которые ты ставишь в своем письме, то я, разумеется, держусь того мнения, что нужно сделать решительно все возможное для того, чтобы не теснить крестьян. И чем более ты сделаешь в этом направлении, тем будет лучше».

В цитированном уже письме от 4 февраля 1910 года Г. В., приглашая Клавдию Валентиновну к себе, пишет ей:

«Свой ответ я начну с географии. Сан-Ремо не Рим, а небольшой городок на берегу Средиземного моря, недалеко от французской границы и от весьма интересного города Ниццы, лежащего уже в пределах Франции, в двух часах езды отсюда»... Сожалея, что она не революционерка, он дальше пишет: «...Этого уж не изменишь. Если тебе теперь тяжело, милая Клавдия, то я одно могу тебе посоветовать: у ч и с ь, ч и т а й. Если тебя заинтересует серьезное чтение, то ты сразу станешь счастливой. Еще Чернышевский прекрасно писал: «Так много наслаждений у развитого человека!» Поверь, что это не фраза. Что же именно читать? Да все тех же просветителей: Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, а потом возьмешься и за нас, марксистов. Но это именно потом: мы трудней... Надо жить и действовать, а не умирать для того, чтобы тлеть в могиле. Для этого еще придет время... Еще раз говорю: учись, читай, это единственное спасение».

По приглашению Г. В., Клавдия Валентиновна в 1911 году поехала к нему в гости за границу, чем не мало обрадовала его. По этому поводу

он еще до ее приезда писал: «Я буду очень рад повидаться с тобой. Именно потому, что я отрезанный ломоть, я очень дорожу памятью обо мне моих родных».

Видя весь год перед окном своим цветущие растения, Клавдия Валентиновна стала скучать по русскому морозу и снегу. Г. В. не давал ей грустить и, лаская ее так, что раз даже лоб поцарапал, говорил: «Ну, чего там, мы снег сюда вышишем, или тебя на горы поведем; там всегда снег».

Отличавшись, как известно, большой ловкостью быть неуловимым для полиции, Г. В. упрекал Клавдию Валентиновну за ее боязнь перед ней.

— Не из храброго племени ты,—говорил он ей,—полиции боишься.

— Из племени-то я храброго, да сама не храбрая,—оправдывалась она.

— Ты возьми пример с помещика N. Когда к нему приходил жандарм, он хвать его за воротник да к окну—«ты, такой сякой, будешь еще ходить сюда, убирайся, а то с окна спущу»—и отбил у полиции охоту приходить к нему.

За границей сестры Г. В. познакомились с женой его Розалией Марковной, которую очень расхваливают, говоря, что она была его «ангелом-хранителем» и бережным уходом сохранила ему работоспособность, несмотря на его наследственный туберкулез.

В 1909 году, приглашая к себе в гости Варвару Валентиновну с мужем, Г. В. в маленьком письме, помеченном «вторник», пишет:

«Милая Варюшка, ты считаешь меня за антихриста, поэтому ты мне не поверишь, а я очень соскучился по тебе и по Николаю Николаевичу. Приезжайте непременно 13-го июля: мы вас устроим. Здоровье мое плоховато: какая-то усталость. Ну, да ничего. Приезжайте же. Поклон всем ото всех. Твой Ж.»

Их приездом Г. В. был весьма доволен, о чем он писал Клавдии:

«Здесь теперь гостят Варя и Ник. Николаевич. Их приезд воскресил в моей душе много дорогих для меня воспоминаний. Хотелось бы мне посмотреть и на тебя. Напиши поскорее, что ты обо всем этом думаешь».

Варвара Валентиновна говорит: «Георгий очень ценил мою самостоятельность». Про его уважение к ней говорит и следующее остроумное письмо Г. В. от 13-го августа 1906 года:

«Моя дорогая и добрая Варя,—пишет он,—ты напрасно думаешь, что я за что-нибудь дуюсь на тебя и потому молчу. Нет, меня заставляет молчать то самое чувство, которое тебе уже известно: я не знаю, ты ли прочтешь это мое письмо, или прежде тебя какой-нибудь посторонний, некстати любопытный человек. А твоим письмам я страшно рад и чрезвычайно благодарен тебе за то, что ты меня не забываешь...

«Скоро ли увидимся, я не знаю. Здоровье мое сейчас не то что плохо, а слабо. Живу в гигиенических условиях, я держусь и хорошо работаю, а как

только попадаю в условия сколько-нибудь плохие, то сейчас же заболеваю. Вот почему я и не еду в Россию. Там очень много шансов попасть в условия весьма не гигиеничные. А хотелось бы мне скорее попасть на родину, повидать тебя и всех тех родных, которые еще помнят меня. Где Гриша? Неужели он до сих пор на службе? Что он теперь собою представляет? Каковы его взгляды? Пиши мне обо всем подробнее. Я всегда страшно радуюсь твоим письмам. Ты писала мне, что читаешь теперь мои сочинения. Что же скажешь о них? Что думает о них Н. Н.? Вас должен смущать мой материализм. Читала ли ты мою книгу «Критика наших критиков»? Еще раз, пиши подробнее...»

В Сан-Ремо Г. В., по словам Варвары Валентиновны, вел изумительно деятельный образ жизни, методично и систематически трудясь целый день. Он не знал работы запоем, ни бездельничания: все у него было рассчитано и для каждой работы были определенные часы. Принимал он людей мало и редко, все время отдавал своим занятиям.

Вспоминая с братом про годы детства, Варвара Валентиновна напомнила ему случай, когда он приехал летом 1874 года из Петербурга домой и заставлял мать читать и переводить по вечерам привезенного им Ренана под видом изучения французского языка. Мать очень страдала от этого и упрашивала его прекратить чтение. Но Жорж был неумолим и настаивал, чтобы она читала Ренана. Варвара, тогда еще маленькой девочкой, лежа рядом в комнате уже в кровати, слушала это, не понимала, почему мать жалуется, но очень сочуствовала ей и хорошо запомнила этот случай. Г. В. при воспоминании об этом признался, что он нарочно заставлял мать читать Ренана, думая этим повлиять на ее религиозные убеждения.

— Жорж как-то мало беседовал с нами,—говорят сестры,—про дом и детство, а все больше про современность и убеждения. Так, он рассказывал, что относился с любовью к французам, потом к англичанам, а к немцам наоборот.

Во взглядах Г. В. расходился с сестрами. Варвара Валентиновна говорит: «Моя религиозность его раздражала и это меня огорчало до слез».

После от'езда сестер, жена Г. В. в письме от 19-го июля 1912 года сообщает им: «Жорж чувствует себя недурно, хотя в Париже очень устал: он прочел там реферат перед тысячной толпой русских; говорил очень хорошо, и публика устроила целую овацию».

После февральской революции 1917 года Варваре Валентиновне дочь Г. В. пишет следующее:

«Вчера приводя в порядок папины бумаги, я нашла начатое письмо к вам, в котором он писал: «Тяжело, страшно тяжело не быть теперь в России. А вот, когда мое письмо попадет в ваши руки, вы уже будете знать, что папа на родине. Вы не можете себе представить, как он счастлив был, когда мы узнали, что произошло и как произошло. Папа и мама решили уехать

в Россию и собрались в несколько часов. Я почти не успела проститься с ними. Теперь вы их, вероятно, раньше меня увидите».

На письмо Клавдии Валентиновны ей из Петербурга уже 28-го апреля 1917 года Розалия Марковна писала:

«Пишу вам вместо Жоржа, так как он крайне занят, да к тому же нездоров. Мы уже здесь месяц. И за это короткое время многое пережили и радостного и тревожного. Жоржу посыпались со всех уголков России люди, письма и телеграммы. Все взоры обращены к нему, как к спасителю родины. Ему бы надо было иметь колоссальное здоровье, но—увы!—здоровье его очень слабое... Живем пока точно на бивуаках: приютились у знакомых, так как еще не решили, куда двинемся или скорее останемся ли здесь или устроимся в Москве».

На вопрос, что могло побудить Г. В. стать социалистом и заняться революционной деятельностью, Клавдия Валентиновна сказала:

— Мать считала, что в этом виновны учителя, обучавшие его в военной гимназии, так как они были все свободомыслящие. Затем мать считала еще виновником этого некоего студента Прозоровского, в доме которых в Тамбове жила ее падчерица Софья Ивановна Вячеславова. В квартире последней по пути в Петербург осенью 1874 года, отправляясь в горный институт, Г. В. и встретил молодого Прозоровского, который, по словам матери, и ознакомил его с революционными идеями.

А Варвара Валентиновна так отвечает на этот вопрос:

— Я думала над этим и решила, что это просто случается. У таких религиозных, но глубоко справедливых матерей, какой была Мария Федоровна, дети с малых лет начинают свободно и сильно мыслить. Их мысли направляются на размышления о справедливости и приводят их на революционный путь. И у Софии Перовской была такая же мать.

Сам Г. В., по словам сестер, нежно любивший мать свою, до от'езда за границу говорил: «все хорошее, что есть у меня, я перенял у матери». Впоследствии, за границей уже, когда образ отца-крепостника с течением времени несколько смягчился в памяти его, он к этому прибавлял: «отцу я благодарен за то, что приучил меня к работе, привил любовь к упорному труду и твердость».

Г. В., по словам сестер, ухитрился перенять все хорошее и у матери и у отца: у первой нежность, альтруизм, глубину и сосредоточенность мысли, у второго твердость, решительность и работоспособность.

VI.

В Гудаловке мы нашли десяток стариков, которые помнят Жоржа, как они его звали, Плеханова, которому они были ровесники. Гудаловка предста-

вляет собой сотню дворов, расположенных на одной продолговатой улице, прилегающей к парку, на месте которого когда-то была усадьба Плехановых. Часа два мы дожидались, пока старики пришли на необычайное для них собрание, беседуя с местным крестьянином-коммунистом и руководителями местного совета. Из стариков на собрание явилось трое Ивашевых, трое Челядиных, Морозов и две старушки Ловягина и Ивашева. Еще со времен крепостничества вся деревня заселена тремя названными, весьма многочисленными семьями, происходящими от крепостных. Инофамильцев, как Морозов, в Гудаловке очень мало, и это тоже потомки докупленных Плехановым крепостных.

Старики были долго несговорчивы. Тая в себе сильную и великую ненависть против крепостничества, они со злостью и недоверием стали нас спрашивать, не приехали ли мы вернуть Плехановых, не родственники ли мы их. Убежденные нами и находившимися на собрании молодыми крестьянами, что им опасаться этого нечего, что мы сами боремся за то, чтобы никакого крепостничества нигде и никогда не было, старики несколько успокоились.

Когда мы заговорили о Валентине Петровиче, одни старики стали злиться, а другие смиренно замолкли.—«Свирепый был»,—признались последние.—«Прямо зверь,—поправили их более смелые,—спуску от него не было; как плохо сработал кто, так того и плетьми; жестокий был, захватит чужую скотину на своей земле,—штраф сдерет или запорет».

И поныне старики сохранили к барину бешеную злобу. На вопрос, был ли он хороший хозяин, они, великолепно разагитированные революцией, в один голос утверждали: «нет, какой хозяин, что̀ он без нас значил»... Но потом, в беседе, рассказали, как он сам верхом все поле из'ездит, сам измерит снопы ремнем, все сам проверит, на четвереньках подберется к работнику посмотреть его работу.

— Скотина у него хорошая была,—говорили они.—Коровы такие жирные, каких теперь не видать; под ними во время дождя прятались. А сам барин—чисто доктор был; сам за людьми и лошадьми ходил и лечил их и книги у него всякие были.

Когда умер Валентин Петрович крестьяне говорили: «Слава Богу, умер гроза»

Про Марию Федоровну крестьяне очень хорошо отзываются: «Хорошая была барыня,—вздыхая говорили старики,—терпеливая была, никому не скажет, перетерпит да и только».

Георгия они так характеризуют:

— Жоржа на руку дерзкий был, не очень-то смирный и драться любил и временами злой был с ребятишками. Ну, чего там,—вставляли другие,—ведомо, что ребята были, мы его, а он нас, купались мы и брухтались (барахтались) вместе в Бесалуке. Иногда, правда, случалось, раздразним его, а он за нами гнаться, версты три пробежит и не поймает. Ходили они всегда вчетвером.

Братья его нас боялись, но он их всех побойчее был и водил к нам играть. Хоть у его, известно, природа барская, портки хорошие, чулки белые, а мы обычно без портков, с грязными босыми ногами, но он нами не брезговал. Пойдем, бывало, в сад и зовем: «Жоржа, дай пистон»; придет он, и начинаем стрелять. Подладишься к нему как-нибудь, кнут ему принесешь, а он тебе яблоко даст».

Будучи взрослым уже, Г. В. очень любил по-прежнему играть с крестьянской детворой. Летом 1874 года, когда он готовился в горный институт, пастушки часто приходили в сад и звали его «Жоржа, купи жалейку» (дудочку). И он давал им денег и лакомств.

Жорж очень подружился, по словам стариков, с Максимом и Григорием, родственниками «дядьки» Ловягина, служившего в доме Плехановых. Особенно он подружился с Максимом, который был ему ровесник, обучил его грамоте и с ним вместе проводил много времени. «Максим развитый человек был,—говорят старики,—от него, верно, и позаимствовал немного Жоржа».

Про революционную работу Г. В. у крестьян, по словам стариков, «тогда слух пошел, что он подписался об уничтожении царя-освободителя». «Жандары приезжали,—говорят они,—и все расспрашивали, может быть, он здесь скрывается».

Шутя и зло вспоминая плохую старину, старики стали требовать от своей сверстницы Марии Александровны Ловягиной, бывшей одно время кормилицей у Плехановых, чтобы она тоже «сказывала про старину», но старуха, смущаясь, все отказывалась.—«Ну, говори,—сердясь и смеясь, они ее сочувственно упрекали,—откуда произошла? на собак выменяли, а потом насильно замуж выдали...»

На прощанье крестьяне с большим интересом расспрашивали и слушали про успехи нашей борьбы с капиталистическим крепостничеством на Генуэзской конференции.

А. А. Френчер [1])

---

[1]) Статья написана и подписана коллективно.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.—СТАТЬИ.

Стр.

Е. Левицкая. Памяти старого друга 3
С. Петропавловский. Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией. 8
А. А. Френчер. На родине Г. В. Плеханова. 27
Ф. Раскольников. Заседания первого легального ПЕКА. 48
А. Кузнецов. Казань под властью чехо-учредиловцев. 1. Падение Казани. 2. На другой день. 3. „Культурная“ вакханалия. 4. Жизнь в казани. 5. Хроника событий. 6. Фронт. 7. Взятие Казани. 8. Первые дни. . . 55
С. Гиринис. Канун и сумерки Советской власти на Литве 71
А. Шляпников. Красные дни в захолустье 92

ОТДЕЛ II.—ВОСПОМИНАНИЯ.

Феликс Кон. Из воспоминаний. 113
М. Дейч. Записки о моей революционной работе. 129
А. Шлихтер. Из воспоминаний об Октябрьской революции 168
Д. Мазайс (Ш. Дволайцкий-младший). Военная организация XII армии. . 187
Москвин. Из пережитого за границей после Октябрьской революции . . . 191

ОТДЕЛ III.—БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Ольминский. Февраль. Сборник воспоминаний о 1917 годе 197
Его же. Сибирские огни. Лит.-худ. и научно-публ. журнал № 2 199
В. Яковлева. „Каторга и ссылка“. Сборники №№ 1, 2, 3 и „Историко-революционный бюллетень“ № 1 199
И. Волковичер. Вадим Чайкин. К истории российской революции 202
В. Владимирова. А. Бочков. Три года Советской власти в Казани. 206
Е. Штейнман. Известия Омского, Гомельского Губкомов и Башкирского областкома Р. К. П. 207
Г. Русаков. Октябрьские дни в Москве и районах 208

ОТДЕЛ IV. — МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

Стр.

В. Невский. Барышня. (Из воспоминаний) 210
Л. Хинчук. К воспоминаниям о Г. В. Плеханове 214
С. Гуревич. Из воспоминаний о Ярославском восстании. 215
Валхар. Ликвидация авантюры полковника Муравьева и **Ю. Мило.нов.** „Примечание“ 218
Б. Козловский. Возникновение и падение Советской власти в Николаеве в 1918 г. 221
С. Моравский. Восстание чехо-словаков в Сибири. 225
И. Коганицкий. Становится ясней 229

ВОКРУГ ОРГАНОВ ИСТПАРТОВСКОЙ РАБОТЫ.

Обзор деятельности местных органов Истпарта. 231
Хроника бюро Истпарта: Туркестанского, Башкирского, Куб.-Черноморского, Уральского, Витебского, Горского, Гомельского, Новгородского и Псковского 237
Из писем в редакцию:
I. Письмо тов. Н. Бабахана 241
II. Письмо тов. Мельничанского, ответ Н. Карзыкина, письмо М. Буровцева и заметка М. Ольминского 245
III. От редакции: „Из письма в редакцию тов. Эйдельмана и ответ на письмо тов. Невского“ 246
IV. Письмо Моск. Губ.-Бюро Истпарта 248